

ФИЛОЛОГИЯ

И. В. Шалина

ПРОСТОРЕЧНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА: СТЕРЕОТИПЫ И ЦЕННОСТИ

В системе культурных стратов, соотносимых со стратами языковыми, промежуточное положение между традиционной народной культурой, с одной стороны, и литературной культурой — с другой, занимает так называемая промежуточная, или третья, культура [см.: Толстой, 1991] (в терминологии О. Б. Сиротининой, просторечная речевая культура [см.: Сиротинина, 1995; 2000]). Ее языковым фундаментом является просторечие, понимаемое как социально ограниченная речь коренных горожан или людей, живущих в городе длительное время и при этом не владеющих нормами литературного языка. С точки зрения человека, говорящего на литературном языке, просторечие характеризуется признаками культурно-социальной отсталости: это нарушение языковых правильностей, бедность языковых ресурсов, стилистическая монотонность, отсутствие проблемы выбора языковых средств, повышенная экспрессивность и др. [см. об этом: Городское просторечие, 1984; Золотова, 1996; Китайгородская, 1988; Прияткина, 2000; Химик, 2004]. Они становятся «яркими диагностирующими пятнами» [Николаева, 1991, 73] портрета носителя просторечной культуры, особенно в ситуации взаимодействия на стыке поликультурного феномена, однако для внутрикультурной коммуникации в рамках того или иного компонента этого поликультурного целого структурно-смысловая ущербность речи может значения не иметь и таковой не признаваться.

В статье за основу взят лингвокультурологический подход к изучению просторечия. Он высвечивает иной ракурс: позволяет рассматривать отдельную языковую личность или языковой коллектив как феномен культуры, выраженной посредством языка, т. е. «носителя культурно-языковых и комму-

никативно-деятельностных ценностей, знаний, установок, поведенческих реакций» [Карасик, 1996, 3]. Лингвокультурологический взгляд дает возможность описать просторечие как специфический культурный код, выявить культуроспецифичные маркеры общения и речевого поведения его носителей. Если понимать речевую культуру как «особое образование, имеющее внутренние закономерности» [Рыклин, 1992, 5], то искать эти закономерности, по всей видимости, нужно в ментальности, психологическом складе, способах социализации, первичных речевых практиках, объективирующих быт и бытие носителя просторечия. Так, Е. А. Земская отмечает: «Просторечие — это не только специфическая языковая формация, но особый языковой, ментально-психологический и социальный мир, имеющий своеобразный кодекс речевого поведения» [Земская, 2004, 243].

Очевидно, что методологические схемы изучения частного культурного кода на основе языковых данных следует искать в понимании соотношения языка и культуры. Общим местом в лингвистике стало понимание языка как явления культуры. Указывая на метафоричность этого тезиса, возможного только при очень широком понимании культуры, И. А. Стернин подчеркивает, что язык не явление культуры, а «средство создания текстов как явлений культуры» [Стернин, 1999, 12]. Идея онтологической общности языка и культуры, объективной формой существования которой является идеальное, а знаковыми носителями последнего — тексты, понимание культуры как совокупности текстов, в которых эксплицируются культурные ценности, обосновывается в работах Ю. М. Лотмана, Л. Н. Мурзина, Е. Ф. Тарасова и других исследователей. В текстах опредмечиваются разные способности человека, в том числе в виде умений и навыков общения, и распрепредмечиваются образцы общения. В этом смысле культуру можно рассматривать как определенную «технологии человеческой деятельности» [Прохоров, 1997, 11], а тексты — как источник социкультурного знания. По мысли М. Рыклина, дискурс культуры является для нее способом универсализации своего положения [см.: Рыклин, 1992, 13]. Для нас важно обращение к массиву текстов устной и письменной коммуникации, достоверно отражающих речевой быт носителей просторечия на уровне микросреды (семья, трудовой коллектив, другой микросоциум (например, общение соседей), а также на уровне макросреды, в межкультурном пространстве.

Из множества определений культуры в качестве рабочего мы принимаем определение П. Сорокина, который в структуре социокультурного взаимодействия выделяет культуру как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и как совокупность носителей культуры, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [Сорокин, 1992, 218].

Как социальная группа носители просторечной культуры неоднородны. Основную группу составляют люди пожилого возраста, коренные горожане либо прошедшие первичную социализацию в деревне, а затем осевшие в го-

роде, не имеющие образования либо имеющие начальное образование, речь которых обнаруживает явные связи с диалектом или полудиалектом, а также их дети, воспринявшие культуру родительских семей (носители просторечия-1). Носителями просторечия являются также горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, речь которых лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (носители просторечия-2). Эти термины (просторечие-1 и просторечие-2) предлагает Л. П. Крысин, указывая на дифференцирующие эти группы социолингвистические критерии «возраст», «образование» и «особенности речи» [Крысин, 2003, 56—57]. Наш материал также подтверждает, что такое разделение обусловлено тяготением носителей просторечия-2, преимущественно мужчин, к жаргонизированной культуре, носители же просторечия-1, преимущественно женщины, не утратили связь с крестьянской средой, с традиционной народной культурой, которая, однако, в новой социальной среде смешалась с иными представлениями (текстами, обрядами, верованиями). Как отмечает Ю. И. Смирнов, превращение большинства жителей в горожан — вот тот рубеж, за которым народная культура необратимо лишается этносоциальной базы для своего естественного бытования [см.: Смирнов 1994, 104]. В сознании горожанина элементы этой культуры существуют как реликтовые или спорадически бытующие [Там же, 100].

На наш взгляд, требует уточнения такой критерий, как образование носителя просторечной культуры. Это критерий нежесткий. Среди носителей просторечия-1 есть не только полуграмотные, но и люди, имеющие законченное среднее (среднее специальное) образование. Среди носителей просторечия-2 есть люди с незаконченным средним и незаконченным высшим образованием. Такой разброс, очевидно, имеет социально-экономические основания. По данным Роскомстата с 1990 по 2004 г. число подростков, бросивших школу и нигде не обучающихся, выросло в 2,1 раза, вместе с тем людей с высшим образованием стало в 1,5 раза больше [Комсомольская правда, 2004, 29 окт.]. Нами уже ставился вопрос о зависимости между образованием, образованностью и владением литературным языком [см.: Купина, Шалина, 2004, 25]. Диплом о высшем образовании еще не делает человека действительным носителем литературной культуры. Как показывает анализ, в реальном взаимодействии ««коэффициент просторечности» индивидуально варьируется» [Китайгородская, 1988, 62] и зависит от структуры и функции коммуникации, индивидуальных речевых и психологических особенностей говорящего. Полиглотизм городского жителя делает возможными кодовые переключения.

Представляется, что важнейшим инструментом моделирования образа носителя культуры в языке являются стереотипы. По мнению В. И. Карасика, возможно и перспективно описать модельную (модульную) личность, которая представляет собой стереотип поведения, служит своеобразным символом данной культуры [см.: Карасик, 2003, 100]. Выработка стереотипов —

важнейшая функция культуры. Они представляют собой «особые формы хранения знаний и оценок» [Уфимцева, 2000, 253], способствуют «распознаванию, узнаванию и в конечном счете взаимопониманию» [Байбурин 1995, 1], становятся социально выработанными опорами действий в определенных ситуациях. В структуре культуры стереотипы занимают особое положение. С одной стороны, стереотипы обусловлены ценностями как высшими ориентирами поведения, вытекают из них, а с другой — фиксируют нормы и правила как конкретные поведенческие реакции в виде нормативных постулатов, кодексов речевого поведения, в конечном счете эксплицируют систему ценностей культурного сообщества.

Наш материал позволяет выявить речеповеденческие стереотипы просторечной культуры. Метод включенного наблюдения дает возможность вести в естественной обстановке записи непринужденных разговоров носителей просторечия и позволяет в условиях длительного контакта опознать единицы, заметные своей повторяемостью на фоне нестереотипизированных высказываний. Под речеповеденческими стереотипами мы понимаем речевые клише (устойчивые воспроизводимые слова и обороты), закрепленные за типичными коммуникативными ситуациями. Это могут быть слова-привычки, аксиологические характеризаторы, частотные сочетания слов, выражения, разговорные речевые формулы, микротексты и даже определенные последовательности микротекстов, сопровождаемые символическими действиями (ритуалы). Некоторые речеповеденческие стереотипы сопровождаются или заменяются жестами, за которыми закрепляются культурно обусловленные конвенциональные значения.

Можно предположить, что (вос)производство тех или иных речеповеденческих стереотипов обуславливается своеобразными представлениями носителей просторечной культуры об окружающем мире, себе и других людях. Как отмечает М. В. Китайгородская, «экстралингвистические особенности носителей просторечия имеют определенную лингвистическую значимость» [Китайгородская 1988, 167]. К числу таких особенностей исследовательница относит, например, «наивно-прямолинейное восприятие информации с последующим необоснованным обобщением фактов», «фольклорный путь усвоения тех или иных сведений, сопровождающийся смещением реальных причинно-следственных связей», стремление к упрощению своего речевого поведения при недостаточно хорошо развитых рефлектирующих способностях, приводящее к наступлению на права адресата [Там же, 163]. Такое понимание дает возможность поставить вопрос о существовании привычных ментальных схем, определяющих речевое поведение носителя просторечной культуры.

Среди обозначенных выше стереотипных единиц могут быть абсолютно специфические (маркеры просторечной речевой культуры), выполняющие функцию культурного кода; относительно специфические единицы (маркеры, общие для просторечной и традиционной народной либо просторечной и жаргонизированной речевых культур); неспецифичес-

кие стереотипные (общекультурные) единицы. Очевидно, что особый научный интерес представляют стереотипы первой и второй групп. Обратимся к примерам.

Большую роль во внутрисемейной коммуникации играет домашнее имя (семейное прозвище, обращение, название родственных отношений). Оно не только обозначает члена семьи, но и выражает личностное отношение говорящего к близкому человеку. В просторечной семейной культуре наряду с общекультурными терминами родства *мама, папа, брат, сестра, бабушка, дедушка, дочка, сынок* и др. используются относительно специфические: *мамка, папка, братан, братуха, сеструха, сына, доча, баушка, бабка, дедка, дедушко*. В последнее время в речи молодых носителей просторечия становятся частотными также такие формы, как *мелкий, мелкая, папик, мамик*, причем если наименования *мелкий, мелкая* употребляются в номинативной и аппеллятивной функции, то *папик, мамик* — преимущественно в номинативной функции. По данным А. В. Занадворовой, анализирующей языковую жизнь московских интеллигентских семей, форма *папка* в этих семьях представляется вполне употребительной, а *мамка* — несколько грубоватой; возможны также просторечные обращения *братан, сеструха, сына, доча* [см.: Занадворова, 2003, 303—304]. Другие культуроспецифичные номинации в речи интеллигентских семей не выявлены.

Стереотипные семейные номинации отражают коммуникативный опыт носителя речевой культуры, индивидуальное преломление семейных, групповых или общекультурных норм. По мысли Б. М. Гаспарова, «носитель языка сознает, что некоторые из аспектов его памяти имеют заведомо индивидуальный, сугубо личный характер; некоторые принадлежат более или менее узкому и четко очерченному кругу своих, разделяющих тождественный опыт, о третьих можно сказать, что они имеют хождение в неопределенной по составу среде» [Гаспаров, 1996, 279]. Интересно в этом отношении функционирование семейных номинаций, выраженных собственными именами. Так, одни из наших информантов (муж А. Н., имеет незаконченное среднее образование, 79 лет, и жена В. И., имеет среднее специальное образование, 82 года) внутри семейного локуса нарекают друг друга зеркально образованными номинациями *Верунчик* и *Толюнчик*:

В. И. (рассказывая о муже). Он меня часто называет *Верунчик* // *Верунчику* 82 года/ а всё *Верунчик* // А у меня всё время срывается *Толюнчик* / или даже *Толенька* // Он душевный / хороший человек // Ну вот / так и прожили 53 года / всё нормально// Крест на лоб полóжила // (крестится).

Мы считаем, что данные стереотипные номинации относятся к культуроспецифичным, хотя вполне согласны с О. П. Ермаковой, что «не так легко установить, когда немотивированное употребление уменьшительных форм существительных — черта просторечия, а когда — проявление плохого вкуса или даже свойства характера (сюсюканье возможно в разных формах)» [Ермакова, 1984, 138]. В семейном взаимодействии они выполняют контактоус-

танавливающую функцию, выражают личностно окрашенное отношение друг к другу, формируют установку на долгосрочное семейное сотрудничество, эксплицируют смысловые, интеракционные и другие ценности. Вот как объясняет свой выбор информантка, для которой ценностную значимость имеет установление добрых, хороших отношений в семье:

В. И. У нас в семье даже слова такого «Иди к черту» не было // Папа воспитанный был до предела // Один класс / пахарь // Папа с мамой очень хорошо жили / дружно // У нас маму звали Маня / а папу Ваня // Я же Ивановна // Вот только и слышишь / «Мань!» / «Вань!» // Вот только так / угу // Стараешься как-то // Ведь поругаться проще всего // Из-за тарелки супа можно разругаться / это точно / это точно //

Нельзя не отметить, что в некоторых интеллигентских семьях имена собственные с суффиксами субъективной оценки типа *Верунчик* также функционируют как семейные номинации, однако они представляют лишь один из частотных вариантов имени, включаясь в «длину ряда имен для конкретного человека» [Занадворова, 2003, 307]. Так, в примерах А. В. Занадворовой длина ряда имени жены и мужа включает от пяти единиц и больше [см.: Там же, 306]. Кроме того, такие имена часто выступают в игровой функции и используются в зависимости от ситуации общения. Наблюдение за нашими информантами показывает, что выход за пределы «своего круга» часто ими не осознается: не имеющие функциональной распределенности внутрисемейные номинации *Верунчик* и *Толюнчик* нередко используются за пределами семейного локуса в общении с чужими, становясь своего рода прагмарефлексами.

Как известно, употребление уменьшительных форм существительных — диминутивов — одна из особенностей разговорной речи. Активно они используются и в просторечии — как «выражение своеобразно понимаемой вежливости» [Крысин, 2003, 66]. Если говорить о гендерной обусловленности стереотипов, то использование диминутивов (как мотивированное, так и немотивированное) больше свойственно пожилой женщине, носительнице просторечия (ср. из речи В. И. (обращение к соседям): *Глашенька; Ирынька; В магазинчик* ходила / *мяско на пельмешки* купила //; *С Толюнчиком генеральную уборку* делали / *все половички / подушечки* перехлопали //). Таким образом, тенденция к гиперкоррекции речи, реализуемая в стремлении быть воспитанным, культурным, приводит к стереотипизированному производству слов с суффиксами субъективной (положительной) оценки, которые могут порой неожиданно соединяться с мотивирующей основой, образуя новое слово для выражения умиления или ласки: В. И. (обращается к маленькому ребенку, целуя его и приговаривая): *Говёшечка* моя *сладенькая* / *говёшечка* такая //.

В семейном межпоколенном общении речеповеденческие стереотипы усваиваются и тиражируются помимовольно, а осознаются только на рефлексивном уровне, например:

О. В. (женщина 45 лет, имеет незаконченное среднее образование): Я была раньше похожа на отцовскую родню // Когда мамка умерла / я осталась одна // После похорон сразу /

после обеда тут вот села / «Как она» / думаю // Господи / вот всё похоже // Пальтушка серая у нее была / я на работу в ней бегала // (Испуганно вскрикивает) / Ой! Копия! // *Всё то же самое / что внешне / что базар* // Это кошмар какой-то // Я не думала / что так вот / эта (пауза) / сходства такие //

Речевой стереотип *базар, базарить, кончать базар* зафиксирован в речи носителей просторечия-2 и является общегрупповым, более свойственным мужской речи. В сознании носителя просторечия общеразговорное слов *базар* в значении ‘шум, крик’ трансформируется, получая новые смыслы ‘душевно разговаривать, общаться с удовольствием’: *Хорошо посидели / повспоминали / базарили до утра* //.

Общегрупповые стереотипы — это акт не столько социопсихологического, сколько социокультурного предпочтения. Они содержат установку на принадлежность к своему кругу, характеризуются сходством, тождественностью реакций на ситуацию, отражают узуально закрепленные принципы выбора языковых форм в соответствии с принятыми в культуре нормами. Так, материал, полученный из разных источников, показывает, что если, например, в разговоре носителей просторечной речевой культуры (в основном пожилых людей) упоминаются умершие родственники или люди «своего круга», то речевая синтагма строится по следующей схеме: имярек + атрибутив (*покойник/покойница*) + формула благопожелания: *У Раисы-то покойницы // Пусть земля ей будет пухом / скоро годик будет; Коля покойничек / всё таскал бутылки / Царство небесное // а я таскать не могу / за рубля за два пузо надрывать* //.

Эти речевые конструкции, свойственные речи пожилых людей, обусловлены потребностью следовать конвенциональному правилу, общекультурной традиции: ушедших из жизни людей принято вспоминать добрым словом. В обыденных разговорах, не связанных с ритуальными действиями, формулы благопожелания всплывают мимоходом как штампы сознания, прикрепляясь к имени умершего человека. Полифункциональность этих речевых формул эксплицируется в ритуале поминовения умершего: выполняя магическую функцию, они выступают и как облигаторные конструктивные элементы, зачиная и развивая предметные темы общения. Приведем пример (в разговоре участвуют пожилые носители просторечной речевой культуры — В. И., А. Н., Ф. П., З. А., соседи, приглашенные на поминки умершей А. С.; Н. К. — хозяйка 56 лет, племянница А. С.).

В. И. Ну чё / выпьем // *Пусть земля ей будет пухом!* Отмучилась // Не чокаемся / не чокаемся / чокаться нельзя // Душа уходит // В нашем доме 40 лет прожили // Анна Семеновна чувствует // Она нас видит //

Н. К. Как не чувствует // Есть такое поверье / душа летает //

Ф. П. Ну о душе-то надо позаботиться как-то // Чтоб им там было полегче // (Пьют, закусывают).

Н. К. У вас где рюмочки? Ешьте пироги с рыбой // Кому еще супа налить?

З. А. У нас рыбниц (имеются в виду любители рыбы. — И. Ш.) нет // (Обращается к Ф. П.) Ну чё / выпила? Прокатилось? Закусывай!

Ф. П. Пузо лопнет / я стоко не ем //

- А. Н. Давайте по второй // *Царство ей небесное!*
 (Все подхватывают) *Царство небесное!* (некоторые сидящие за столом крестятся).
 В. И. Добрая была / скромная //
 Ф. П. Рассудительная такая //
 З. А. Несмотря на свои годы / ум у нее сохранен был полностью... //

Традиционные ритуальные действия, отражающие элементы мифологического сознания, реликты отдаленного прошлого, выполняются всеми участниками общения. Они воплощают «материальную форму существования культуры» [Стернин, 1996, 19]: хозяйка приготовила и подала на стол суп, пироги, компот; блюда ели только ложками, выпивая, не чокались; приглашенным раздавали носовые и головные платки, носки, а также одаривали личными вещами умершего человека. Поведенческий ритуал сопровождался закрепленными за ситуацией вербальными действиями (тосты-формулы благопожелания, хорошие слова в адрес ушедшего человека).

Записанный материал позволяет выявить ценности, релевантные для просторечной речевой культуры. Так, в разговорах воссоздается образ человека, которого ценят за опрятность внешнего вида и умение следить за собой (*Всегда аккуратненькая ходила //*; *вся нарядная //*; *В хорошем платье / в хорошем платочке //*; *Фартовая / куда-куда //*), душевность и открытость (*Она компанию любила //*; *Обо всем-обо всем можно говорить //*), гостеприимство и щедрость (*Мы угощались то пирогами / то блинами //*), терпеливость и уживчивость, умение любить и прощать. Так формируется стереотипное представление о душевном человеке:

- В. И. Любила она стряпать // Она мастерица была // Любила поесть // Жили дружно // она чем-нибудь да угощала // Мы угощались то пирогами / то блинами //
- А. Н. Она компанию любила // Немало песен перепето у нас с ней // Помню пировали / она стучит в стенку «Тише!» // Всей компанией туда к ней завалили и к себе увели // Молодые были //
- Ф. П. Скоко она после Аркадия Ивановича-то прожила?
- Н. К. Почти 14 лет // Он в 91-ом // Аркадию Ивановичу будет 14 лет в марте месяце / 6-го числа // Очень она плакала по нему //
- Ф. П. Как ни зайдешь / начинает вспоминать / плачет // Фотографии смотрели //
- З. А. У меня есть такая фотография / белый воротничок // Где-то ей лет наверно 60 //
- В. И. У неё по-моему даже волоса смолodu были такие кучерявенькие // Волнистые-волнистые //
- Ф. П. Ничё не волнистые //
- В. И. Нет / пышные / пышные // Вот я помню / она приехала ходила //
- Н. К. Волосы у неё ваще / как будто уложили // У нее же мало было волос / седые // И они как будто уложенные //
- Ф. П. Не работягой работала / следила за собой //
- В. И. Всегда аккуратненькая ходила // Выйдет во двор / вся нарядная // В хорошем платье / в хорошем платочке // Фартовая / куда-куда //
- Ф. П. И не ходила когда уже // за собой следила // Всегда старалась по-домашнему / но ходить чтобы чистенько / уютненько //
- А. Н. Бывало придешь / обо всем-обо всем можно говорить / и про политику / и про всё //
- Ф. П. На любую тему // Привыкли к друг дружке //
- В. И. Душевная была женщина // Царство небесное //

Наши наблюдения показывают, что современная тенденция «размывания традиционных для России ценностей», «ориентации материально-прагматического характера» [см. об этом: Рассадина, 2004, 53] не затрагивают просторечную культуру, по крайней мере тот внутрикультурный слой, который представляют носители просторечия-1. Вышесказанное позволяет предположить, что просторечную культуру можно отнести к культурам традиционалистского типа. По определению А. А. Ивина, «традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т. п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей» [Ивин, 2002, 108]. Так, записи банных разговоров носителей просторечной культуры показывают, что незнание внутригрупповых норм и правил или отказ им следовать разрушают коммуникацию, делают ее неэффективной. Вот стереотипный ситуативный микродиалог, который обычно разворачивается по схеме: просьба — согласие выполнить просьбу — действие — формула благопожелания:

Пожилая женщина, носительница просторечия (А.), обращается с просьбой к молодой женщине (Б.):

А. Дочка / ты мене не пошоркаешь спину?

Б. Давайте // (энергично трет мочалкой по всей спине)

А. Дай те Бог здоровья! А то в тот раз попросила / она мне вот здесь (показывает на шею) потеряла и всё //

Как видим, в бане существует традиция: в ответ на выполненную просьбу принято не благодарить, а желать здоровья: *Дай Бог здоровья/доброго здоровья*. Невладение внутрикультурными стереотипами вызывает культурное напряжение. Гармонизация общения достигается с помощью речевых жанров совета, наставления старшего младшему, опытного неопытному, которые становятся своего рода «культурологическими подсказками», корректирующими речевое поведение: *Не говори спасибо / а желай здоровья //*.

Вместе с тем нарушившего правила поведения в бане решительно осуждают:

А. Пошла / дверь за собой не закрыла // Будто кто-то за ней будет закрывать // Закройте! Сквозняк!

Б. Да какой сквозняк? В парилке-то все закрыто //

А. Нет / все равно дует / холодно //

Б. Да где дует? Я вот стою / здесь не холодно //

А. Вот какой у нас народ / беспечный / безответственный //

Протекание общения по конфликтному сценарию обусловливается нарушением коммуникативных прав и обязанностей. Часто это неучет позиции «другого», пренебрежение своими обязанностями (например, «захват» большего, чем положено, пространства):

А. Осторожнее /

Б. Кого осторожнее // Отъедят пузо / не обойдешь //

А. Ты не отъешь?

Б. Я что / по головам должна ходить?

А. Ну вот / придут такие / всех оговорят //

Обращает на себя внимание одна особенность мышления носителей просторечной культуры: склонность к обобщениям. Например, финальные реплики двух последних диалогов — *Вот какой у нас народ / беспечный / безответственный //*; *Ну вот / придут такие / всех оговорят //*. По мнению Т. М. Николаевой, обобщенная модель речевой коммуникации (модель речевого поведения обывателя) характеризуется рядом категорий, среди которых выделяется «категория укрупнения факта» [Николаева, 2000, 126]. «Тенденция к мультипликации» [Там же, 124] проявляется в стремлении представить единственный факт, пример, одно событие как совокупность однородных, регулярно повторяющихся и на этом основании сделать обобщение.

Наблюдения позволяют выделить еще одну группу стереотипов — стереотипы возраста, которые можно отнести к социально-ролевым стереотипам. В них отражен социокультурный опыт и особенности мировосприятия той или иной возрастной группы. Так, в ритуале поминовения разговор получает любопытный разворот: носители просторечной культуры по-деловому начинают обсуждать табуированную тему смерти, которая становится для стариков обыденной, привычной:

А. Н. Памятник ставить будете?

Н. К. Одинаково сделаем / в одной как бы оградке // Они рядом хотели //

В. И. А я вот горю / Как умру / мне не надо памятник // Сожгите лучше меня и подхороните //

З. А. А я не хочу фотографию старую (хохочут) // А чё / у меня там дед такой красавец / а меня / старуху / рядом положат //

Ф. П. А я детям сказала / Как умру / коронки золотые с меня снимите // Золото шас везде принимают» //

Стереотип *мыкаться/маяться под старость лет* эксплицирует социальное и физическое неблагополучие, коммуникативное одиночество стариков. Особую значимость приобретает культурный стереотип-концепт *Дом престарелых* (в интерпретации носителей просторечной культуры *Дом старчества*, *Дом инвалидов*). *Здесь* (дома, в пустой квартире) тяжело, одиноко — *там* жизнь невыносима: *Там быстро угробят //*; *Никто не ухаживает //*; *6 месяцев прожила / и до свидания //*. Приведем фрагмент разговора о жизни в доме престарелых, в котором участвуют пенсионеры, соседки: А. Ф. (81 год), дробильщица горно-геологического предприятия; Ф. П. (67 лет), медсестра; М. В. (75 лет), продавец магазина; З. А. (73 года), медсестра.

А. Ф. Да кто там? Никто // Подпнут под жопу // Оне нас даже не подмоют / не вымоют //

Ф. П. Размажут грязь-то //

А. Ф. Им даже деньги // Вот придут родня / им деньги сунут / они и то не будут делать //

М. В. Вон баба Юля-то // Я приходила // (передразнивает) Вон ваша барыня-то лежит //

Принесут ей суп / тарелку вот сюда бросят ей // хоть пей из тарелки / хоть хлебай //

З. А. Зарплата идет / и пенсия туда уходит // А вот такой бордель //

А. Ф. Дак надо взрывать / взрывать надо / взрывать // Эх / жись-жестянка //

Аксиологический характеризатор *бордель*, выступающий как стереотип отрицательной оценки, употребляется в значении ‘беспорядок’, фонетически ассоциируется со словом ‘бардак’. Культурная оппозиция *мы* (старики) — *они* (медицинский персонал, родня) выявляет чуждую модель (*не-мы* стереотипного) поведения, вызывающую осуждение и агрессию. Рассуждения носителя просторечной культуры строятся по привычной ментальной схеме: суждение — пример-факт (обычно укрупняемый) — генерализованная формула-вывод.

В просторечной культуре разграничивается «свое» и «чужое», которое мыслится как враждебное, не принимается. Стереотипы позволяют выявить положительный образ *мы* — *группы* и отрицательный образ *не-мы* — *группы*. Приведем еще один микродиалог, в котором З. А. рассказывает Ф. П. о том, как она познакомилась со своим мужем:

З. А. Стали мы с ним дружить // Встречались конечно красиво // Не то что там // Раньше ведь мы... /

Ф. П. (Перебивает) Не лапали // Как шас молодежь лапают // Прилюдно //

З. А. Не лапали / не хватали друг друга / да // Не шастали по углам // Чтобы он там что-то // Ведь казалось бы / расписались / в общежитии я одна осталась / но ни-ко-гда // Пока уже не перешли в свое гнездышко / и только тогда (пауза) // (Тихо, доверительно) Фая / ты веришь / поженились / и все равно я спала в трусах и лифчике // Стыдно было // Чтобы я сама попросила... / да никогда!

Ф. П. И я в первые годы так же //

Время, которое пришлось на молодость, вспоминается как самое благословенное. Речеповеденческий стереотип *встречаться красиво* актуализирует закрепленные в сознании нормы поведения девушки в ситуации свидания с молодым человеком: быть скромной и целомудренной, не давать повода усомниться в своей порядочности, сдерживать свои чувства в присутствии посторонних и даже один на один. Эти нормы вступают в культурный конфликт с современными представлениями о взаимоотношениях молодых людей: *лапают прилюдно, шастают по углам, хватают друг друга*. Открытое, публичное проявление чувств, нескромное поведение женщины традиционно осуждаются. В сознании закрепляется конвенциональное правило, запрещающее жене, женщине проявлять сексуальную активность и раскрепощенность. Девиантное поведение женщины зло высмеивают.

Ф. П., З. А., А. Ф и М. В. гуляют во дворе дома и видят пожилых женщину и мужчину, распивающих на скамейке вино:

М. В. Чё это за бабешка? Откуда я ее знаю?

Ф. П. Мот (может быть) продавцом работала?

З. А. А мот уборщицей?

М. В. О / гляди / гляди // Пошла баба-то / на расшарагу // Тут и уговаривать не надо / сама ляжет //

А. Ф. (Подхватывает и поет) Мой-то миленький не глуп / завернул меня в тулуп // К стеночке приваливал / на что-то уговаривал //

(Все смеются).

А. Ф. (продолжает) Меня милый уговаривал / у каменной стены // До того доуговаривал / сама сняла штаны // Ну чё / кто из вас не снимал?

(Все дружно смеются).

А. Ф. (продолжает) Дура я / дала в крапиве / надо было на мосту // Из-за его / из-за мазурика / изжалила [нец.]

(Все долго и дружно смеются)

Общение носителей просторечной культуры строится на ролевой иерархии. Острая на язык А. Ф. (*Шуре палец в рот не клади / оттяпает //*) пользуется среди соседок авторитетом и симпатией (*Порядочная / душевная женщина //*) за прямоту, непосредственность, меткое, крепкое слово: к ней прислушиваются, ее мнение ценят, ей доверяют, поэтому откровенный провокационный вопрос (*Ну чё / кто из вас не снимал?*) и обценнизм в своем кругу не встречают отторжения, воспринимаются с юмором и пониманием. Интересно, что речеповеденческий стереотип *уговаривать, чтобы дала* актуализирует целый каскад фольклорных прецедентных текстов.

Можно говорить, что в этой культуре снимаются запреты на многие табуизированные темы, среди которых болезни, смерть, секс, частная жизнь близких, публичных, незнакомых людей. Просторечная культура недостаточно впитала в себя церемониальный этикет, вследствие этого для носителя культуры считается нормальным, например, беззастенчиво разглядывать незнакомого человека, рассказывать малознакомым людям о своих мыслях, интимизировать общение, откровенно переживать свое эмоциональное состояние, прямо выражать свое отношение к происходящему. Приведем еще один пример. Носительница просторечной культуры, пожилая женщина (А.), долго, в упор разглядывает в бане незнакомую женщину (Б.), одевающуюся напротив ее, затем вступает в разговор:

А. Ты по национальности цыганка?

Б. Да //

А. А у вас квартиры-то есть или вы кочуете?

Б. Конечно есть //

А. А вот меня-то дома не было // Мой-то один был дома // Позвонила цыганка с ребеночком // в туалет попросила // А он ведь у меня такой // Давай чай готовить им // А она пока пила / другая всю квартиру обшарила //

Б. Бдительней надо быть!

А. Это ведь раньше страховали // Придут / тудым — сюдым // По пять рублей соберет // А так дом обойдет / и глядишь зарплата за месяц //

Б. Бдительней надо быть // Иная простота хуже воровства // Всекие есть люди //

Подводя предварительные итоги, отметим, что просторечная культура — это культура открытая, контактная. Носитель просторечной культуры охотно вступает в речевой контакт с незнакомыми или малознакомыми коммуникантами из своего и чужого круга, опираясь на принятые в своей культуре речеповеденческие стереотипы. Узнавание своего в «своем» и «чужом» способствует гармонизации общения. Чуждое культуре осуждается и подвергается осмеянию. Это культура традиционалистского типа со свойственными

ей идеологическим и языковым консерватизмом, опорой на традиции и авторитеты, ментально-психологической ригидностью, каноничностью речевого поведения. Авторитарность мышления делает ее назидательной, склонной к сентенциям, морализаторству и агрессии. Вместе с тем для нее характерна не только замкнутость на привычном, традиционном, но и стремление если уж не принять, то помыслить новое, помечтать о нем, попытаться притереться к нему, например:

З. А. Ты знаешь / Фаина Петровна / в то время не могли мы нигде ничё зарабатывать // Вот если бы седня нашим мужикам... // Я больше чем уверена / что мой Илюшка какое-нибудь бы дело открыл // Или бы по дереву / или по машинам // Хоть бы чё-нибудь //

Ф. П. Мой бы то же // Хоть бы какую-нибудь мойку / автостоянку // Механик такой он был/ прям золотые руки у него были //

Стереотипы просторечной культуры позволяют выявить ценности и нормы, имеющие культурную значимость. Дальнейшее описание речеповеденческих стереотипов позволит выявить культурную специфику, поставить вопрос о культурной аутентичности.

Бабурин А. К. К проблеме стереотипизации поведения: быт, событие, ритуал // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М., 1995.

Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
Городское просторечие: Проблемы изучения / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1984.

Ермакова О. П. Номинации в просторечии // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.

Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.

Золотова Г. А. Разговорные вариации в нормативном пространстве // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.

Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать. М., 2002.

Карасик В. И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М., 1988.

Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Купина Н. А., Шалина И. В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 7.

Николаева Т. М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.

Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. всесоюз. науч. конф. Ч. 2. М., 1991.

Прияткина А. Ф. Просторечные новообразования: их основа и судьба // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.

Рассади́на Т. А. Нравственные ориентации жителей российской провинции // Социс. 2004. № 7.

Рыклин М. Сознание в речевой культуре // Террорологиики. Тарту; М., 1992.

Сиротинина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня / РАН. М., 1995. № 4.

Смирнов Ю. И. Язык, фольклор и культура // Язык — этнос — культура. М., 1994.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

Стернин И. А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1996.

Стернин И. А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры? // Русский язык в контексте культуры / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 1999.

Толстой Н. И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991.

Уфимцева Н. В. Слово и культура // Языковое сознание: содержание и функционирование: Тез. XII Междунар. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, 1—3 июня 2000 г. М., 2000.

Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

Ю. Е. Прохоров

ЕЩЕ РАЗ О КОНЦЕПТЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ

Слово возбуждает представление о предмете... Предмет, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое индивидуализированное языком, постоянно повторяющееся впечатление, тем самым представляется в модифицированном виде.

В. фон Гумбольдт

Попытка сказать что-то свое о концепте естественно требует учета уже имеющихся точек зрения. Однако в этом, на наш взгляд, кроется и некоторая опасность «попадания в колею»: анализ взглядов других неумолимо начинает строить и собственную позицию автора по модели и в рамках уже известных. Безусловно, спросить «кто последний?» и чинно стать в очередь — дело разумное не только в магазине. А в недавние времена — не только разумное, но и жизненно необходимое... Но и времена меняются, и концепт вряд ли является «товаром» первой необходимости даже в очереди за когнитивной